

ЛЁНЬКА СГИНЬ

Дед, любовь
и расстройство

неискуски.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Лёнька Сгинь Дед, любовь и расстройство психики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41183228

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0738-0

Аннотация

Здесь 17 лучших моих рассказов, в которых дед переплёлся с шизофренией и вконец окосел от любви, ужаса и приближающейся смерти. Я нарочно не делал разделения по жанрам. Просто 17 рассказов. Разных и не связанных между собой ничем, кроме вечного: дед, любовь и расстройство психики. Содержит нецензурную брань.

Содержание

17	4
Вместе	11
Тру дед стори	22
На вздохе	28
Мы	40
Где обитают демоны	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Меня убьют в 17 лет. Выстрел в голову.

Куда уж безболезненней? Р-раз и пустота... А потом...

Всё это...

* * *

– Эй, парень! Деньги есть?!

В ответ мои ноги срабатывали быстрее гортани.

– Стой! Догоню, с-сука!

В 8 лет я убегал так каждый Божий день. Странное было время. Детство. Когда сильные бегают от слабых, не разобравшись, кто сильнее.

Может, потому что детям просто нравится бегать? Мне не хотелось что-то доказывать словами или кулаками. "Меня никто не сможет догнать" – вот, о чём хотелось кричать во все ноги.

Почему же я не стал бегуном?

– Кто мой стул трогал?! Молчите? Ну, сейчас я вас по одному гасить буду! Держитесь, сопляки!

– Вот он! Он сидел на нём! Я видел!

Поднимаюсь:

– Ну, я...

11 лет. Время, когда проклёвывается голос. Тогда слабые закладывали сильных... таким же слабым. Им всё время хочется держаться вместе. Слабый всегда либо возглавляет, либо пресмыкается.

А сильный, он сам по себе. Один.

Ноги не бегут, а крепко врастают в пол. Кулаки сжимаются добела. Гортань выдаёт короткое:

– Ну, я...

– Головка от х..! – слабый обязательно найдётся, что ответить, чтобы спутать твои мысли. А потом ударит исподтишка.

Он был старше меня на год, но я устоял. Удар кулаком напомнил случай, когда я долбанул носом об лёд. Через секунду лицо запылало, как ошпаренное. Гортань выдавила только:

– На!

А потом ещё... ещё. Вместе с движениями кулака дёргалась голова моего обидчика. Он упал после первого же удара, но теперь, когда ноги замолкли, я хотел кричать о правде кулаками. И бил... бил.

Козлов. В последующем регбист и ловелас. И первый, кого я победил кулаками.

Нас остановила вошедшая учительница. Меня поставили на учёт в детскую комнату милиции и чуть не исключили из школы. Но ещё долго мои кулаки кричали. В соседних районах или просто при встрече с несправедливостью. Мне

было необходимо мочить козлов... и Козлова.

Почему же я не стал боксёром?

– Пойду погуляю.

– А уроки сделал?

– Почти...

– Давай-ка сделай дело и гуляй смело!

– Ну, мам! Я уже не маленький! Приду и сделаю. Ты же знаешь. Слово даю!

В 13 лет, наконец, прорезалась гортань. Появилась острая потребность повсюду кричать о своей независимости: "Я взрослый! Неужели вы не видите?!"

Казалось, что не видели. Поэтому и надрывал горло.

– Ребята, кто-нибудь хочет рассказать первым свой отрывок из "Горе от ума"? Что, никто? Ну, тогда, может, Скворцов нас порадует?

– Тамара Степановна, я бы и рад, но такое горе с моим умом... понимаете, вчера грибов переел.

В этом возрасте не обязательно говорить что-то толковое. Достаточно просто сохранять уверенность, чтобы весь класс взорвался от смеха.

– Ну, Скворцов, балагур... ладно, прощу на этот раз, но на следующем уроке будем слушать твой отрывок, а не шуточки... Кошкина, ты-то, надеюсь, выучила?

Из-за парты поднималась худая девочка с застенчивыми глазами и безупречно декламировала Грибоедова.

Что-то уже тогда двигалось в моей груди при взгляде на

неё, но гортань всё ещё была громче сердца.

– Блошкина, куда чешешь? – окликал я её на перемене

Хихикнет:

– Скворцов, ну когда ты вырастешь?

– За тобой следом.

Больше никто из одноклассников не называл меня маленьким. И я тайно злился за это на Кошкину.

Но всё равно чувствовал себя взрослым и независимым.

Вперёд!

Почему я не стал политиком или хотя бы старостой класса?

– Так ты будешь со мной гулять?

– Не знаю... ты ещё маленький...

В 15 лет слышать это от Кошкиной было куда обиднее. Думалось: "Либо она имеет в виду, что я девственник, либо, что у меня... Там... какие-то проблемы".

– Да всё у меня нормально. Ничё не маленький...

Кошкина смеялась:

– Ты глупенький! – и щурила свои застенчивые глаза.

Сердце кричало внутри, но сказать ничего не получалось.

Горло сдавливала немая обида.

Да ещё регбист Козлов принялся за неё ухлёстывать. За эти годы он вырос. Стал сильнее. И его родители были значительно богаче моей одинокой мамы.

Конечно, мама осталась одна, будучи сильной и независимой. Но всё же отца порой не хватало. И это злило.

В том возрасте что-то уже начинало щёлкать в голове. Карманных денег совсем не хватало на те задумки, что ежеминутно рождались... во мне. Не в голове, а где-то... в брюках, в животе или в сердце, которое неистово кричало: "Кошкина, я тебя люблю!"

И пока ловелас Козлов непринуждённо дарил ей подарки, целовал в щёку при встрече, попутно ухаживая ещё за дюжиной таких же Кошкиных... Я кропотливо по копейками собирал на какую-нибудь паршивую коробку конфет.

Не то, чтобы больше ничего не было в тогдашней моей жизни. Было, конечно. Но теперь вспоминается только эта бездумная беготня за юбкой и обзлённость на всех.

Больше я не чувствовал себя таким уж сильным и независимым. Отсутствие денег, девушки и вообще, какого-то увлечения в жизни. Как бы, сломали меня. Сердце скулило от обиды и неразделённой любви.

Господи, почему я тогда не начал писать стихи?

Оглядываясь в прошлое, часто размышляешь о том, почему не удалось стать тем или этим. Бегун, боксёр, политик, поэт. Но в детстве и юности не хочется думать о такой ерунде. Ведь ещё полно времени впереди. Ещё успеешь стать кем угодно!

Не то, что в 17 лет...

Именно в этом возрасте я понял, что стать кем-то в будущем не получится никогда. Становиться нужно только в настоящем.

Голова. Наконец-то начала работать она. Но, в отличии от прочих крикливых органов, голова работала тихо и неторопливо. Лишь изредка в ней что-то щёлкало. Тогда появлялась идея, но затем угасала. Щелчок давал осечку.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

И однажды раздался выстрел. Тот самый, что убил меня в 17 лет.

Образно, разумеется. Иначе, как бы я всё это написал?

Но всё же, это убило мою жизнь. В её привычном для меня понимании. Я лишился мамы. Той самой, на которую злился за то, что она не в состоянии обеспечить моё беззаботное существование.

Не знаю. Может, она забухала, заболела, умерла или я сам уехал за 10 000 км. А, может, просто перестал просить у неё деньги. Не всё ли равно?

Тот, кто досюда дочитал, возможно, увидел в этой истории частицу самого себя. И хочет, чтобы финал оказался воодушевляющим. Герой победит.

Что ж, так и будет. Только финал допишешь ты сам. Не знаю, сколько тебе: 17, 20 или 40.

Поступи, как семнадцатилетний герой этой истории. Убей себя маленького. Отвяжись от мамы, которая, может и не мама вовсе, а просто вечно преследующие обстоятельства, которые всю дорогу мешали тебе стать тем, кем ты мечтаешь.

Мешали в прошлом и будут мешать в будущем.

Просто. Начни сейчас.

Давай.

Вместе

– Красивая у тебя девушка, – три мрачные фигуры стояли около футбольной коробочки, источая дым. Эту фразу выпростала самая подвижная из них. Было видно, как остальные две вздрогнули и смешались при этом. Возможно, что если бы Гена не обернулся, то ничего бы и не случилось.

Если. Бы.

Если бы ей не вздумалось танцевать на дискотеке неизвестно с кем. Если б она не позвонила ему с жалобным голосом. Если бы он всё же проявил волю и не поехал за ней на такси в три часа ночи. Если бы не согласился потом прогуляться за ручку по ночным улочкам. Если б они не срезали путь до её дома через дворы...

М-да... Гена был простым студентом и многому только учился, но давно понял, что это «если бы» никогда не работает.

– Чё ты тарацишься, я не понял?!

Гена молча отвернулся и продолжил вести девушку в том же ритме. Тройка фигур сверкнула искрами бычков о землю, отделилась от коробочки и быстро настигла парня с девушкой.

– Слышь?! Чё такой невежливый? – одна из фигур вышла под тусклый свет фонаря и обнажила щербатый рот в заля-

панной бородке.

Пришлось остановиться. Гена бросил взгляд по сторонам. Двое других переминались сзади, шаркая носками по асфальту.

– Ребят... – обратился Гена к щербатому, но тот дёрнулся, будто для удара. На уловку студент не попался. Только моргнул глазами и сильнее сжал руку девушки.

– Чё ты менжуешься-то? – хлопнули Гену по плечу. Все трое заржали.

– Вы поболтать хотите или по делу? – парень чуть повысил голос.

– Ого-го, а ты у нас деловой я посмотрю, – говоря это, бородач поправил ворот куртки и отвесил что-то вроде реверанса.

Тройка снова прыснула пьяным смехом.

Затем отсмеявшись, все замолкли на несколько секунд. Гена почувствовал, как дрожит маленькая ладонь, которую он безотчётно сжимал всё сильнее. Ослабил липкую хватку.

Щербатый снова закурил и так приблизился, что его бородёнка щекотнула шею студента:

– Короче, ясен-красен, что проход через наш двор платный. Мы-то в курсе, что ты и твоя тёлочка здесь нормально так время экономите, пока до дома идёте. Вон, Саня сам проверял. Да, Санёк?!

Сзади что-то пробормотали, и вдруг девушка дёрнулась, чтобы крикнуть, но её рот закрыла смуглая ладонь с грязны-

ми ногтями.

Гена стоял в ступоре и, глядя на эту картину, размышлял: «Как же эта ладонь может быть настолько темнее её лица?» Этот идиотский вопрос полностью занял сознание парня до тех пор, пока щербатый не окликнул:

– Ну?! Слышал?! Пять минут экономится! За каждую минуту по штуке. Быренько давай! – он сунул руки в карманы джинс и ссутулился.

Тогда Гена понял, что лучшего момента не представится. Он отпустил ладонь девушки и уже сжал кулак, чтобы...

– Ну-ка, сука... – прохрипело над ухом, а ножик щёлкнул у самого горла студента.

Гена попытался двинуться, но кончик лезвия кольнул калдык. Тогда парень разжал ладонь и сунул в нагрудный карман куртки. Там за подкладкой у него всегда лежало две трижды свёрнутые пятёрки. Рука стала елозить в попытке отделить одну бумажку от другой, но тут вмешался щербатый, рванув Гену за рукав. Рыжие купюры спланировали на асфальт.

– О! Вот это я понимаю, – похвалил бородач, нагибаясь, – мужской подход. Тут и на урегулирование всех проволочек хватает. Всё, свободны!

Парня с девушкой отпустили. Фигуры вновь соединились с темнотой.

До дома шли молча. Когда подошли – начало светать. В окне над её подъездом уже сидел какой-то древний дед и дымил папиросой.

– Так и будешь всю жизнь откупаться?! – вдруг бросила она перед самым подъездом. Гена увидел, как вздрогнули её губы и нервно заползали по лицу.

– Что ты говоришь такое, малыш? – он сделал движение, чтобы обнять её.

– Не трогай! – она сорвалась на визг.

– Молодёжь, не ссорьтесь там! – прилетело из-за козырька дедовское напутствие, – Живите дружно.

Она бросила на Гену презрительный взгляд и молча исчезла в подъезде.

Студент сунул руки в карманы, ссутулился и побрёл домой, глядя под ноги. Потом, спустя два квартала вспомнил, что также ссутулился и мерзкий бородач. Выпрямился и вдруг заметил кошелёк посреди дороги. Подобрал и заглянул внутрь. Там лежало чуть меньше 15 тысяч рублей. Гена огляделся. Рядом стояла молчаливая пятиэтажка. Во дворе не было никого.

Поначалу парень обрадовался такому неожиданному подарку судьбы, но потом, дойдя до дома, посмотрел на всё иначе.

* * *

– Нет, знаете что... позовите администратора. Мне не очень-то понравилось, как вы меня обслужили, – произнеся это, сухая бабулька сморщила решительный рот.

– Извините, но у нас нет никакого администратора. Мы работаем посменно по одному человеку, – Настя говорила сухо и учтиво, сидя в кофейной ларьке. К скандальной бабушке она давно привыкла. Та приносила по 100 рублей каждую неделю, брала маленький латте и всегда капризничала.

– Тогда позвоните вашему главному. Я хочу, чтобы он знал, что за разгильдяйки у него работают.

– Вот книга жалоб. Это будет ваша... не знаю. Стотысячная жалоба. Дать ручку?

– Будьте любезны, юная леди...

Пока старушка сочиняла очередные вирши, Настя написала работодателю эсмэску: "Сегодня 15. Отпусти домой. Голова болит. Заберу выручку в счёт сентября?"

– Вот ваши ручка и книжка. Надеюсь, это послужит вам уроком, – высказавшись, бабушка отчего-то медлила с уходом.

– Да, всего доброго! – уважительно и пустынно поторопила Настя.

– О потерянном не плачь, внучка. Всё возвратится... – внезапно лицо бабульки подобрело, но появился новый клиент и старческие губы снова сжались. Она ушла.

Пока Настя готовила кофе, прилетела ёмкая эсмэска от работодателя: "Ок."

Настя взяла деньги из кассы, закрыла ларёк и поехала. До дома было 5 километров на велосипеде. Девушка преодолела их за 20-30 минут. В зависимости от погоды, светофо-

ров и настроения.

И, возможно, если бы Настя не отпросилась с работы на час пораньше. Если бы не ехала так быстро. Если бы светофоры не загорались ей в руку. Если бы её задержала хоть какая-то нелепая мелочь вроде зазевавшегося голубя на дороге...

Тогда жизнь осталась бы такой же спокойной и тягостной, как весь последний год.

Если. Бы. Никогда не работает.

Настин парень никак не мог найти работу. Уже год. Бог весть, кем он пытался стать, но карьера упорно не давалась. Приходилось чем-то занимать время: гитара, стихи, сигареты. Всё это Насте, в целом, нравилось. А безденежье... временная трудность.

Поэтому, пристегнув велосипед на первом этаже, девушка радостно взбежала на пятый. Надеялась сделать сюрприз...

Настя встретила её в дверях собственной квартиры. Каких-нибудь пять минут и не было бы никакой измены в Настиной голове. Всё осталось бы по-прежнему.

– Настю-ю-юш, – брови гитариста скрылись за поэтической шевелюрой, губы превратились в нечто, похожее на пупок, – сейчас я всё объясню, малыш... До свидания!

– Да, до скорого свидания, – хмыкнула Настя, глядя вслед костлявой брюнетке, – Надо же... вообще на меня не похожа.

Она вошла в квартиру, и, вздохнув с хлопком двери, попросила:

– Давай, собирайся, дружок. А я погуляю пока.

– Ну малы-ы-ыш... это ученица...

Он пытался оправдаться, но в Насте что-то щёлкнуло. Можно даже подумать, что она ждала какого-нибудь дурацкого повода вроде этого.

Через полчаса девушка сидела в баре, водя пальцем по окаёмке бокала. Рассказывала что-то стервятнице-подруге. И сама не верила в свою решительность:

– Ну а что я могла сделать?

– Ты молодец, – кивала подруга, строча кому-то бесчисленные эсэмэски.

А потом Настя уже ничего не помнила. Да это и ни к чему. Расплатившись с таксистом, она неуверенно покинула машину и потеряла кошелёк.

* * *

Этот кошелёк и нашёл Гена. Обычный студент. Днём: работа. Вечером: учёба. По выходным: уже ничего.

Поразмыслив, он вскоре развесил объявления на всех подъездах Настиной пятиэтажки: «Потерявшему портмоне звонить по номеру такому-то». Именно в такой формулировке. Со странным словом «портмоне».

– Алло!

– Да?

– Здравствуйте! Это я потеряла... портмоне.

– А! Вы хозяйка кошелька?

– Да...

– Хмм... здесь есть банковская карточка. Принесите паспорт, чтобы удостовериться. Я живу по адресу такому-то.

Девушка пришла. Показала паспорт. Гена отдал кошелёк и отказался от какой-либо награды. Они коротко поговорили о чём-то бессмысленном, как чужие люди. Насте только запала в душу одна фраза, небрежно брошенная Генной:

– Все под Богом ходим. Один теряет, другой находит.

– Хорошо. Спасибо вам!

И разошлись, так и оставшись чужими.

* * *

Всё это обычная чередa совпадений. По сути, встреча Гены и Насти ничего не изменила в их судьбах.

Гена продолжил страдать по своей бывшей, которую давно не любил, а просто нуждался в ней, как в сигаретах.

Настя вопреки логике тоже страдала по своему бывшему. И, хоть это она прекратила отношения, но ломку испытывала даже более сильную.

Пожалуй, что истерзанные неудачной любовью люди и впрямь напоминают наркоманов. Оттого зачастую и не видят тех знаков, что преподносит им судьба.

Но иногда судьба бывает дотошнее старухи, смакующей пенку латте на шершавом языке.

Спустя месяц или полтора, когда обоим следовало вволю настрадаться своим прошлым, Настя случайно набрала номер Гены. В доказательство она так и сказала:

– Ой, простите... я вам случайно позвонила, – но трубку не положила.

– Что ж, – помолчав пару секунд, ответил парень, – тогда и вы меня простите, что случайно ответил.

И было уже не важно, какую глупость они друг другу говорят. Это чувство щёлкнуло так же оглушительно, как нож у горла. Оно следовало за этой парой повсюду, заставив позабыть о времени.

За прошедший месяц Гена тысячу раз повторял себе, что никогда не вернётся в это место, но странная штука, влюблённость...

– Красивая у тебя девушка, – три мрачные фигуры стояли там же, будто изваяния, а футбольная коробочка была их пьедесталом. Косолапо сдвинувшись с места, они направились вслед за парочкой, упорно их не замечавшей.

– Где же ваши манеры, молодые люди? – преградив дорогу влюблённым, щербатый бородач взгляделся в Гену, – о, постоянный клиент!

На этот раз Гена не стал медлить и сразу замахнулся кулаком. Удар получился сильным и точным, угодив по щербатой челюсти. Бородач, не ожидавший такой дерзости, сделал два нетвёрдых шага назад и грохнулся на асфальт.

Гена всё ждал, когда же щёлкнет злополучный ножик над

ухом и даже подумал, что его могли порезать, а он не почувствовал из-за какого-нибудь взрыва адреналина. Студент стал прислушиваться к своему телу и вместе с этим обернулся.

Во мраке он разглядел ещё двоих хулиганов. Оба лежали на асфальте, закрыв лица.

Вдруг подул ветер, и Гене защипало глаза.

– Бежим быстрее отсюда! – Настя подхватила его за руку. Об асфальт звякнул пустой баллончик.

Они понеслись прочь сквозь темноту, держась за руки и смеясь, как дети.

С неба посыпал первый снег. Их лица обжигал морозный ветер, а ноги то и дело попадали в ледяные лужи.

Но этим двоим теперь всё было нипочём. Они, наконец, нашли друг друга и вместе решили перевернуть весь этот мрачный мир.

Тру дед стори

Деду Потапу было 75 лет. Он сидел на балконе, курил «Приму» без фильтра. На дворе замерзал ноябрь.

Из комнаты на балкон высунулась златовласая голова внука:

– Дед, погуляю пойду с пацанами.

Потап сделал последнюю крутую затяжку и пустил дым по седой бороде:

– Ну иди... а куда собрался-то?

– Да там две остановки на электричке. По городу походим просто.

– Просто? А чего разрядился как курица?

На внуке был свитшот с изображением Курта Кобейна и джинсы до щиколоток. Ему недавно исполнилось 15. Он ступил тапком на балкон и поёжился:

– Холодно. Ты как сидишь тут часами вообще?

– Знаю, что холодно, а ты хрен-те в чём! Вот у меня – другое дело, – дед указал на свой красный свитер крупной вязки, – Я тебе историю расскажу. Сходи за тубаретом...

– Ну... дед. У меня электричка. И правильно: "табуретом".

– Сходи-сходи. Послушаешь старика хоть пять минут. Может, поумнеешь.

Внук нырнул в комнату и скоро вернулся в халате. В руках табурет. Сел:

– Давай, время true ded story.

Потап зыркнул строго на внука, смял папиросу и бросил в банку из-под кофе. Начал:

– Было мне, как тебе сейчас, примерно. Ехал от бабки Насти. Стужа стояла... на дворе ноябрь, а птицы: на лету дохнут с мороза такого. Это тебе не то, что сейчас... морозишки, один пшик.

А бабка Настя жила у чёрта на куличиках. Я к ней раз в год на каникулы ездил. Повидаться. Да девок деревенских пощекотать.

И вот пришла мне пора ехать домой. С бабушкой попрощался, гостинцы в охапку сгрёб и пошлёпал к станции. Добрался, впрочем, без происшествий, хоть и пешком семь километров...

– Киломётров, дед...

– А? Ты поучать пришёл или умного человека слушать? Ишь ты! Так вот...

Дождлся поезда этого четырёхвагонного. Полпачки, помню, скурил, пока ждал. И сел, думаю, дай покемарю. Всю ночь ведь с девками колобродил. Под утро только домой вернулся, чтобы бабка не заругала.

И уснул у окна. Крепко так уснул! Колёса стук-стук. Деда твоего и сморило.

Потом просыпаюсь. Глядь, а где же я еду-то?! За окном

темень да пустота, что у медведя в брюхе. И в вагоне лампочки ту-у-ускло так горят, стервы...

Иду по вагону: люди спят все. Тихий час, как будто. Прошёлся по всему составу. Народу немного, и все до единого спят. Ладно, думаю, пойду покурю в тамбур.

В головном вагоне вышел, значит, в тамбур. Спичкой чирк-чирк. Ни-и-черта не горит. Вдруг, вижу, девчонка сидит на полу, едва одетая. В платьишко одно серенькое. Коленки подогнула, как русалка хвост. Поднимает на меня глаза и говорит со вздохом:

– Ах, куда же ты едешь, Потапчик?

И смотрит глазищами своими. С поволо-о-окой такие, водянистые. А сама, вроде мне ровесница...

– Дед, ладно тебе, – внук поёжился в халате, зевнул, – какая ещё русалка водянистая? Откуда ты взял это хоть?

– Дурень ты! Из жизни взял! Твою ж мать... Слушай! Кому говорят?! – Потап сунул руку в карман брюк за папиросой, но передумал:

– Домой еду, – говорю, – а ты?

И что-то нехорошо мне стало. Махнул рукой и в вагон ушёл. Сел в середине рядом с женщиной в косынке. Отдышаться захотелось. Сердечко: таки-так... таки-так. В окошко взглядывался-вглядывался: ни зги.

Потом скопился на бабу в косынке: бледная, как покойник. И косынка красню-ю-ющая, а лицо... что щиколотки твои на морозе. Тронул её ладонь – лёд. Так и есть: покой-

ница. Аж перекрестился с испугу! Хоть и церквей-то уж не было совсем. Совок!

Побежал по вагонам. Здесь-там: одни мертвецы. Да что ж это?!

Проверил всех до последнего вагона. Ни дыхнут, ни чихнут. А у самого сердце быстро-быстро молотит: так-так-так-так. Получается, один я живой... ну, и девка та из первого тамбура. Обернулся и чуть не грохнулся, как был, в полный рост. Стоит...она в дверях:

– Ну что ты маешься всё, Потапчик? – устало так тянет, – Сядь, покимарь ещё. Долго ехать-то.

– Куда, – спрашиваю, – куда ехать, родная?!

– Ну, вот и молодец. Родная, конечно, – и засмеялась бубенчиком, вроде как подловила меня. А от смеха этого холод ползёт по полу и кровь внутрих стынет.

И что заметил тогда: стою-дрожу... холод собачий в вагоне, а по лбу пот стекает. Во, как бывает!

Она мне:

– Давай тогда родниться, Потапчик, – и ступает ко мне через вагон ме-е-едленно, пла-а-авно. Не идёт, а пишет.

Подошла ко мне вплотную. Смотрит глаза в глаза, лыбится. Красивая девка, кстати. Только смертью от неё за версту несло!

А я к стеночке прижался. Что мне было-то. Эх! Скажи спасибо, что не описался! Хотел что-то сказать и только: «м...м...mmm...» Язык, видать, отмерзать начал.

Пока мычал, она меня возьми, да обними. По-простому так, как старшего брата. Ручонки у неё хоть и тонкие, но крепкие были. Говорит:

– Хороший ты, Потапчик! Давай, твоя остановочка. Увидимся ещё!

Слыхал?! Увидимся, говорит! Поезд тормознул, и дед твой выскочил. Гляжу, и правда – моя станция. Ишь! И фонари яркие, какие горят, и воздух родной. Смеяться захотелось! Жив! Но тут обернулся на состав – отъезжает. И все пассажиры через окна лупятся глазками своими мёртвыми, а я живой остаюсь здесь, один.

– Во-о-от, внучек! – с этими словами Потап закурил новую папиросу.

Внук растерянно моргал глазами:

– Что: вот? Дед? А к чему это всё? На электричках мне теперь не ездить или что?

– Балда ты! Слышу звон, да не знаю, где он! – Потап затянулся, привстал и сплюнул через в щель в зубах, – Говорю же, от бабки Насти я ехал! А бабушки у нас что? А?! Вя-я-яжут – вот что!

Дед указал на свой красный свитер крупной вязки:

– В деревне все говорили, что прапрабабка твоя колдуньей была. Этот свитер она мне связала и подарила тогда перед отъездом. Я и надел сразу, чтобы бабушку не расстраивать. А видать свитер из какого-нибудь волоса конька-Горбунка! Волшебный! А может, просто, зело тёплый! Так и вы-

жил твой дед! Так что... вот держи, внучек! В добрый путь!

Потап стащил свитер через голову и протянул внуку. Тот рассмеялся:

– Ну ты и маркетолог, дед! Такую историю сочинил, чтобы одеть меня по-своему... ладно, давай. Всё равно раздеваться вряд ли где-то буду. Хотя... – внук нацепил свитер прямо на балконе, отдал деду халат и свитшот. Стал разглядывать себя в отражение в окне:

– Он, вроде, на меня прям. Смотрюсь, как хипстер! Ладно, побежал я!

Внук быстро собрался и вышел из квартиры.

Потап закурил очередную папиросу и наблюдал, как прячется солнце за горизонтом. Кутался в халат. Сзади послышался смешок:

– Потапчик! А, Потапчик?! Что же ты мёрзнешь стоишь, без свитера? Вот мы и свиделись снова!

Потап опёрся локтями на перила балкона. Курил, не оборачиваясь: «Какая разница, есть у смерти лицо или это только глупая фантазия?». Почувствовал, как по груди поползли холодные цепкие руки и потянули назад. Он попытался удержаться за перила, но в сердце что-то сильно кольнуло.

Старик упал на пол балкона. Несколько раз судорожно вобрал воздух в грудь и... отошёл.

На вздохе

– Я этой стерве говорю... как хочешь... ты свободна. На тебе же грех останется. А у неё в руках арбалет как раз был. Она мне в грудак и забубенила болтом. Тут же разрыв сердца. Мгновенная безболезненная смерть.

– Да ну?! Прямо так, без разговоров и втаранила?!

– Зуб даю! Могу даже рубец показать.

Два небожителя сидели на облаке, мотали ногами над бездной мироздания.

– Н-да-а-а... – протянул тот, что слушал историю, – и носит же Земля таких вот бездушных тварей. В каждой эпохе по паре найдётся. А в твоём этом средневековье – вся сотня. Места в аду им не напасёшься.

Он задумчиво почесал бороду, а потом с неприязнью сплюнул в бездну.

Каплю вмиг разнесло на тысячу частей. В земной атмосфере они кристаллизовались в красивые снежинки и медленно поплыли вниз.

* * *

Антон уже час смотрел в небо, лёжа на снегу. Рисовал руками и ногами ангела. Совсем не было сил подняться.

Когда на лицо упали первые снежинки, мелькнула мысль: "Вот бы сдохнуть так под снегом, чтобы этой гадине впредь неповадно было". От такого фатализма даже разобрало на смех, который тут же перерос в затяжной приступ кашля.

– Ну нафиг. Пора валить отсюда, а то реально подохну. Подумаешь, Даша. Три рубля и...

Но договаривать Антону не хотелось. Поднялся и, пошатываясь, двинулся в сторону магазина. В груди всё разрывало от бешеного урагана чувств. Злобы. Безответной любви. Обиды. Безрассудного желания ржать, как конь. И плакать тоже хотелось. Но не получалось. Антон всерьёз испугался, что так можно словить сердечный приступ.

Он остановился, три раза глубоко вдохнул. Потом вернулся и сфоткал на телефон своего ангела на снегу. Тут же решил запостить на стене... и, как прорвало. Сел на корточки и зарыдал чуть не в голос. Разом налетели все воспоминания. Стал листать переписку с Дашей. Снова захотелось лечь в сугроб, но сзади слышались хрусткие шаги по снегу.

Антон тут же выпрямился, отряхнулся. Посмотрел в сторону звуков – какой-то мужик собаку выгуливает. Мохнатое тело мерно трусило по тропинке, вытоптанной в свежем снегу. Чёрный нос водил из стороны в сторону, что-то ища. Иногда пёс останавливался, чтобы уделить больше внимания каким-то подробностям.

Вот она, беззаботная собачья жизнь. Проходя мимо незнакомого человека, пёс бросил только короткий взгляд в его

сторону, затрусил дальше. Уже удалившись на несколько метров от Антона, мужик отжал кнопку на поводке и закурил. Пёс суетился вокруг, как хозяйка на кухне.

Антон так залип на этой парочке, что даже не заметил приближающейся опасности. В скулу прилетел сокрушительный кулак, отчего парень снова повалился на снег. Почувствовал, как из носа потекла к губам солёная струйка. Только не понятно: сопли или кровь?

– Ты чё, с-сука, ошиваешься тут всё?!

Антон попытался сообразить, что происходит. Почему-то первым делом глянул на мужика с собакой. Но тот, как будто и не видел ничего, курил совсем в другую сторону.

Тогда Антон взгляделся в нападавшего: обычный парень лет 25, в обычных шапке и куртке. Не выглядит, как гопник.

– Да кто ты, нахрен, такой? – спросил Антон, облакачиваясь на снег.

– Ты н-не рыпайся особо т-там, – он ещё и заикался, – м-мразь!

На последнем слове он заикнулся сильнее всего и, опустив глаза, стал потирать кулак.

Антон начал понимать в чём дело. Поднялся. Парень в шапке заволновался:

– Ну-ка, лечь! П-падла!

– Да ти-и-иха! – Антон пробил зайке в грудь.

Соперник сделал два шага назад, но устоял. Засопел, как ёжик, поднял кулаки к лицу.

– Ты от этой что ли?! – бросил Антон и тоже принял боевую стойку.

Заика не ответил и, казалось, разозлился ещё больше. Попытался ударить Антона по лицу правым крюком, но тот легко увернулся, чуть отведя назад корпус. Повторил торопливо:

– Кто ты такой?!

Парень опять молча махнул точно таким же крюком, но Антон ушёл в сторону и ответил левой в подбородок. Удар получился не очень чёткий, но этого вполне хватило. Соперник обмяк и повалился на колени. Тут же выпалил:

– Н-не лезь к Даше, с-слышишь, т-тварь? – теперь он заикался почти на каждом слове.

– Да что она тебе пообещала-то, Ланцелот недобитый?

Но этот парень молча сидел на коленях. Видимо, пытался выровнять дыхание. А может, сильно расстроился из-за такого лёгкого поражения. Поднял глаза на Антона:

– Она с-смотрит в окно. П-подыграй, п-пожалуйста...

– Чего? – Антона вместе с удивлением вдруг разобрала ярость. – Вот, кто тварь-то! Вот ведь... аргххх!..

Они стояли на краю рощи недалеко от Дашиного дома. Антон пришёл сюда засветло. Не спалось, да и пострадать хотелось.

Он гневно рассёк кулаками воздух: "На то, как я тут валялся, а потом рыдал, она, значит, тоже смотрела". А вслух сказал:

– Пойдём, Ланцелот! Есть разговор.

По дороге вытер нос. Всё же сопли, мать их...

* * *

– Знаешь, о чём я жалею?

Небожители шли по облаку, переступая прорехи в белизне. Один слушал, другой рассуждал:

– Больше всего меня печалит то, что ничего изменить я не мог. В каждой из жизней я терпел поражение от этих хитрых фурий. Они влюбляли меня, а я, идиот, шёл на поводке, как Му-му за Герасимом.

– Полно те, друже, – бородатый небожитель остановился у широкой прорехи небес. Внизу под облаком парили двое орлов, расправив бесконечные крылья, – что за нелепое сравнение ты сейчас привёл? Ведь Му-му – персонаж женского пола...

Он ещё почмокал губами, но ничего не добавил к сказанному. Небожители постояли миг столетия, наблюдая за течением времени в воронке событий. Затем снова зашагали по облаку.

– И, пожалуйста, не воспринимай это как рок судьбы или как... кару небесную. Чёрт! Не будь ты таким неудачником, в конце концов! – на этой фразе бородатый небожитель даже притопнул ногой, отчего всё облако сгустилось и загрохотало.

* * *

Антон с его новым братом по несчастью сидели в Макдональдсе, когда за окном на смену снегу вдруг зарядил сильный ливень. Пили пиво, купленное в Пятёрочке, заедали картошечкой фри.

– Н-да-а-а, – выдохнул Антон, – сейчас бы дома в постели валяться тюленем. Какого хрена я тут забыл?

– Т-ты с-начала скажи, что это з-за п-пи-пи... придурок с ней на фотках? Я его з-завалю.

– Костя, мать твою! Как тебя так быстро развезло, я не пойму? Иди домой проспись!

По дороге до Макдональдса ребята нормально познакомились и выяснили, что есть между ними много общего. Музыка, например, и бывшая девушка. Только Костя не хотел считать её бывшей. А несколько минут назад Антон показал ему Дашину страницу ВК, о которой Костя раньше не знал. Там были её фотографии со здоровенным бородатым быком.

Обоим парням был неведом этот бородач. И, тем не менее, всё, конечно, было ясно. Единственное, чего не мог понять Антон, это зачем Даше нужен Костя, и зачем было специально для него создавать отдельную страницу.

– Ант-тон, так ты знаешь, к-кто этот т-тип?

– Без понятия. Но пусть эта шлюха будет счастлива. Давай выпьем за её светлое будущее!

Антон поднял бутылку, но его новому другу, видимо, такой тост не понравился. Костя сидел скрестив руки. Только

сейчас Антон заметил у него шрам, опоясывающий всю шею. Странный какой-то парень. Пришлось чокнуться со стоящей бутылкой и допить залпом оставшуюся половину. Антон решил, что пора двигать домой. Поднялся.

– П-понятно. С-струхнул. Сам разберусь.

– Что ты будешь разбирать-то?

– З-завалю его, с-сказал же... – Костя вытащил из-за пазухи и выложил на стол пистолет.

Антон оружия никогда вживую не видел, но сразу смекнул, что это муляж:

– Это зажигалка, что ли? Чего ж ты меня тогда не завалил, а с кулаками полез?

Костя всё также сидел со скрещенными руками. Смотрел несколько секунд Антону в глаза:

– Потому что зажигалка! – выпалил, не заикаясь, и рассмеялся как-то психованно. Показал зубы с тёмными щелями.

– Ладно, не валяй дурака. На связи будем! Бывай.

Они пожали руки. Антон вышел в непонятное ноябрьское... «Это же утро ещё», – осознал Антон.

Было всего одиннадцать. Лил дождь, таял снег.

* * *

– Антон, привет! Ты слышишь?! Приезжай, пожалуйста! Где ты? Мне очень нужна твоя помощь! Ты слышишь?!

– Кто это?

На другом конце провода помолчали несколько секунд. Потом раздался уже больше недовольный, чем встревоженный голос:

– Ты что, уже телефон удалил? Это я, Даша!

– А, привет... ну да, – это была правда. Телефон Антон удалил сразу, но забыть его никак не получалось. Он сразу узнал цифры, – так что случилось-то?

– Ясно... ну так. Тут твой новый дружок заявился...

– Что? Какой?

– Костик.

– Может... может, это твой дружок всё-таки?! – Антон едва сдержался, чтобы не проорать эти слова.

– Ой, давай только не ори! А?

– Я и не ору...

– Короче, он долбится в дверь и орёт, что ты рассказал ему всё. Какая я потаскуха и прочее. Говорит, что доказательства есть, и что я должна вызвать сюда этого тупого качка... – Даша замолчала, на фоне слышались удары и приглушённые крики. – Вот, пожалуйста. Короче, тебе надо приехать и успокоить его, Антон! У него батя – мент. Вдруг, у него ствол есть?

– Я-то здесь причём?

– Так это ты ему всё слил. Зачем, а?! – когда Даша произносила это своё «А?!» – голос её становился невыносимым для слуха Антона. Это раздражало даже во время отношений.

– Блин, какая же ты овца, Даша...

На том конце шнура раздался усталый вздох. После короткой паузы Даша сказала:

– Ладно. У меня вторая линия. Дэн звонит. Он недоступен был, вот я тебе и набрала. Небошь, разберёмся без тебя. Давай.

Заиграла какая-то жизнеутверждающая музыка. Антон быстро отключился. Сел на пол в негодовании. Ну что за овца? Почему просто не отпустить?

* * *

– Я не мог сидеть и оставаться наблюдателем. Ты должен понять меня, друг. Люди так жестоки!

– Ты твердишь избитые истины. От них никому нет проку. Они не оправдывают вечную петлю на твоей шее. И не важно, будь то подставленная под арбалетный болт грудь, выпитый за мнимого друга яд или натуральная верёвка с мылом. В каждой эпохе ты находил своё излюбленное призвание – быть жертвой. Ты постоянен в этом, как твоё имя – Константин. Которым тебя нарекали в 10 из 10 твоих земных скитаний!

– Нам не понять друг друга, Антоний... Ты всегда так легко отворачивался от друзей, родных, от всего того, что тебя тянуло назад. Шёл вперёд, очертя голову...

– Потому что иначе среди них не выжить!

– Я чувствую, что больше нам с тобой не свидеться... Мы слишком разные.

– Да, наши пути вот-вот разойдутся, Константин. Чует моё сердце, что в этот раз тебе уже не будет поблажек...

– Покажет время... Всё равно я рад, что дождался тебя, и бок о бок с тобой шагаю в последний путь.

Небожители подошли к сияющим вратам. Последний раз взглянули друг другу в глаза, обнажив внутренние миры.

Затем оба шагнули в свет.

* * *

До Дашиного дома было всего пять остановок на троллейбусе. Обычно Антон преодолевал это расстояние пешком. Но сейчас решил ехать.

Сидя у окна и наблюдая движущийся пейзаж ноябрьского вечера, Антон считал секунды и не мог понять, что за стук всю дорогу доносится из-под пола троллейбуса. Он уже собирался идти сообщать водителю, когда сообразил, что это его собственная нога непроизвольно выбивает в такт секундам.

Наконец, его остановка. Антон выскочил из салона через две ступеньки и побежал к знакомой бело-голубой девятиэтажке.

Позвонил в домофон, но через пять гудков не выдержал – вырвал дверь. Затем взвился по спирали лестницы на пятый

этаж.

Замер.

Дверь в Дашину квартиру была приоткрыта. Изнутри слышались гудки не отвеченного домофона.

Антон медленно прошёл по бетону подъезда. Аккуратно отворил дверь. В прихожей лежало тело с пулей в глазу. В лице различались черты бородатого Дэна. Крови налилось от стены до стены. Антон снял и повесил трубку. В квартире наступила полная тишина.

– Даша! – голос отдался эхом, как бывает в пустых жилищах, где все давно умерли.

Антон выждал минуту, в течение которой начал различать тиканье часов с кухни. Наконец, решил переступить через лужу крови и двинулся в сторону комнаты. Благо, это была однушка. Не нужно бешено метаться в поисках по длинным коридорам, как это случается в голливудских фильмах.

Дверь в комнату оказалась открыта. Первое, что бросилось в глаза – это осколки люстры по всему полу. Потом Антон поднял глаза и увидел Костю в петле. Верёвка была намотана на крюк от люстры. Тело мерно покачивалось в свете настольной лампы.

Почему-то Антон тут же бросился к висящему, но, не успев добежать. Запутался ногами в табуретке, опрокинутой на пол. Его понесло вперёд и он рефлекторно ухватился за Костю.

Сверху послышался скрежет. Крюк сорвался, и оба пар-

ня в обнимку повалились на пол. При этом Антон явственно расслышал возглас при падении. Костя был жив и яростно водил глазами по сторонам. Поймал взгляд Антона. Торопливо захрипел:

– Я смог! Смог! Слышишь, Антоний? Я смог разорвать этот порочный узел! Больше она меня не сможет убить! И главное – ты меня спас, друг! – он хрипел, словно находился при смерти, но ни разу не заикнулся.

Антон, как оглушённый сидел на полу. Что за бред несёт этот сумасшедший? Может, глюки от удушения? Слетал куда-нибудь на облака, поболтал с ангелами, а теперь вот... взгляд Антона упал на Дашину кровать. На ней лежало тело девушки с простреленным животом. Даша была мертва. Загудело в ушах.

Под коленкой мешался какой-то твёрдый предмет. Антон пошарил рукой и понял – пистолет. Раздумывать было некогда. Он поднялся, держа оружие в правой руке, а левой достал телефон из кармана куртки. Набрал 112:

– Алло, соедините, пожалуйста, с полицией. У нас тут... три трупа...

Напуганные соседи вздрогнули от третьего выстрела. Полиция всё не ехала.

Мы

Понедельник

Мы познакомились в магазине, пока ждали автобус. Так уж вышло, что обоим хотелось курить. До зарезу. А зажигалка имелаась только у меня.

Я купил пачку Чёрного Собрания и вышел на улицу. Вдохнул разом чуть не полсигареты. Помню, как улица вздрогнула под никотиновым ударом. Странно, что запомнилась такая ерунда, а её имя вылетело напрочь.

– Здравствуйте, дайте прикурить, пожалуйста...

Она произнесла это, будучи с сигаретой в зубах. Тонкий Ричмонд. Я поспешно вынул зажигалку и звякнул колёсичком. На меня двинулся густой вишнёвый аромат, и я зачем-то прикурил свою сигарету повторно.

Это и стало причиной для беседы. Моя рассеянность. Сам бы я вряд ли заговорил.

– Вы сейчас зажгли и без того горевшее, – поэтически заявила она и усмехнулась дымом.

– Да, это... – затем я пожал плечами и продолжил курить.

Над улицей висела темнота, и было ещё пару человек, ждущих автобус, как мы.

Тогда я впервые и окрестил нас: мы. Потому что ближе неё в тот момент никого вспомнить не смог.

Подъехал наш автобус. Она бросила сигарету в урну и...

– Меня Артём зовут.

Она остановилась:

– Даша...

Точно, так её зовут. Мы вместе вошли в автобус и поехали, сидя рядом.

Помню, что тогда влюбился и в салоне автобуса подумал: "Настоящая любовь – это билет в один конец. В старость, если повезёт. А, может, путь окажется куда короче. Но обязательно до конца".

Видимо, эту мысль я сочинял всю дорогу, потому что не помню, как Даша вышла из автобуса, как мы попрощались.

Даже странно, что в списке контактов в итоге оказался её телефон: Даша Билет.

Вторник

Вчера познакомилась с чудиком. Внешность у него, пожалуй, элегантная, но в остальном...

Причём, именно я с ним. Заговорила первая. Считаю, подкатила. А он пожимал плечами, как это обычно делаю я, чтобы дать понять: разговор не состоится. Позорище!

Скатилась до знакомства на улице. Куда уж глубже, Дарья Викторовна?

Он такой странный, неотёсанный. Всё делает, как Ермилка какой-то. Будто, каждое действие ему ново. Курил по-детски, тарасился по сторонам: не схватит ли кто за ухо?

Пожалуй, не зря подкатила. Ведь, еду на работу, а мысли о нём. И на работе вспоминала. По крайней мере, забуду Карасёва.

Это, конечно, не любовь, а так: залатать раны. Побывочный пункт.

Пишу и думаю: "Какая же ты циничная тварь, Дарья. Бог тебя обязательно накажет..."

А вечером он позвонил. И даже по телефону вёл себя не так, как все. Говорил, будто в справочную набрал: "Могу уточнить, ваше имя: Даша? Простите, а где мы познакомились, подскажете? А можем мы встретиться завтра?"

Дурачок. Не пойму я его никак. Ну, посмотрим завтра. А теперь спать.

Среда

Она только что зашла в подъезд. Я сел на лавку, достал тетрадь. Записать её облик. Пока не забыл.

Сегодня увидел её, как в первый раз. Мне кажется, у неё были другие волосы. Неужели, сделала причёску для меня?

Хотя, вчерашний день вспоминается смутно. Или мы познакомились позавчера? В последнее время стал путаться... во времени.

Даша. Сегодня у неё прямые волосы и яркая помада. Я даже поинтересовался, что за бренд. Ответила скромно: Шанель.

Думаю, ей понравился вопрос. Мы гуляли в парке. Броди-

ли по аллеям, пугали белок. Даже встретили лося! Странно. Стоя на асфальте, он выглядел таким потерянным.

Мимо него проплывали вереницы удивлённых людей, а лось всё стоял, крутя мордой. Потом он как-то угловато задрал голову и дотянулся губами до ветки осины. Отщипнул пару листьев.

Мне подумалось, ведь он просто делает то, что всю жизнь делал. Нам это странно, а лось наша повседневная жизнь не заботит. Потом лось вздрогнул и суетливо утопал в чащу. У него свои дела, у нас – свои.

Перечитал и вижу, что совсем не описал Дашу. Что ж...

Она... чёрт... ничего не могу вспомнить. Ничего, кроме уродливого лося.

Хочется курить.

Четверг

Взяла дневник с собой, чтобы по дороге на работу накидать о вчерашнем. Вернулась домой поздно и просто валилась с ног. Не думала, что будем столько ходить пешком, нацепила каблуки. Дура.

Интересно, что про ноги вспомнила только, когда зашла домой и сняла туфли. Умотал меня Артёмка. В хорошем смысле. С ним классно. Просто ходить по парку. Иногда говорить. Он не боится молчать. А бывает, уставится на какую-нибудь мелочь и начинает длинный разговор.

Смешной. Пронёс меня на руках через лужу. А потом увидел лося и чуть не уронил. Хотел пойти потрогать, но я оста-

новила.

Сказал:

– Разве он обидит? Смотри, какой беспомощный здесь.

Один.

Я почувствовала, как бегут мурашки. Оба они показались мне похожими друг на друга: Артём и лось. Оба пришли из каких-то других миров.

Пишу, и опять мурашки. Кажется, ты втрескалась, Дарья Викторовна.

Мне так хотелось, чтобы он зашёл в гости. С ним я забыла о Карасёве. Блин, да о всём дерьме. Я вообще ни о чём, кроме Артёма не думала вчера и всю ночь... и сейчас. Он не зашёл. Спросил только:

– Где твои окна?

Я показала, а он добавил совсем странное:

– Хотел бы я помнить о них всегда.

Мы крепко обнялись, и я зашла в подъезд с ощущением прощального объятия. И до сих пор это чувствую. Страх внутри.

Сигареты дома забыла. Коза. Может, брошу.

Вечером идём в кино!

Пятница

Начал новую тетрадку.

Где-то забыл сумку вчера. Там старая тетрадь, телефон, сигареты, немного денег. Там Она! Мой билет. Как же так...

забыл её имя.

Помню, что были вместе. Её прямые волосы. Или завитые? Но где же мы были? Не в парке. Ноги с утра не болели. Хорошо, что не ношу паспорт и прочие документы.

Спросил у доктора:

– Как можно выяснить, где я был вчера вечером?

– Через телефон. Там наверняка сохранился ваш маршрут...

– Я его тоже потерял. Он был в сумке...

Доктор досадливо мотнул лысиной:

– Наслышан... с вашим диагнозом... Артём, я давно говорил, что пора сделать чип. Носили бы на шее украшение. Чего тут страшного?

– Страшно стать объектом исследований... подопытным кроликом... лабораторной зверушкой! Или как ещё вы таких называете?! – я вдруг разозлился.

– Обычно. Пациенты. А бездомным не боитесь оказаться? Болезнь прогрессирует. А вы, как будто, сопротивляетесь лечению. Я сожалею, что...

Не стал я слушать его сожалений. Вскочил. Столкнул какие-то бумаги со стола. Выбежал. Медсестру оттолкнул. В общем, некрасиво себя повёл.

Он прав, конечно. Только и склеротикам иногда хочется побыть в одиночестве. Может оно и к лучшему.

Сел в первый попавшийся автобус и еду.

Туда, где забуду свой адрес.

Потом имя.

Себя.

Вот он – билет в конец, которого я заслуживаю.

Так лучше всем.

Суббота

Он не звонил вчера. И сегодня не отвечает. Сразу поняла: что-то случилось. И тут же в голову ударило: забыл сумку в кино. Я поцеловала его у подъезда. Решилась. И опять почувствовала: прощаемся надолго.

А сумка не мешала. Всегда мешала, но не в четверг. Это точно. Он такой рассеянный. А я... дура.

Поехала в кинотеатр. Там и правда, нашлась его сумка. В ней телефон: потёртый никому не нужный Самсунг. Всё же приятно, что есть ещё честные люди. Кассирша даже обрадовалась нашедшемуся хозяину.

Последние вызовы: Даша Билет (ну и прозвище...), Артур Лекарь (одно другого краше).

– Алло, Артур? Я звоню с телефона Артёма. Вы знаете его?

– Простите, а кто вы?

Подумала секунду:

– Его девушка.

Он тоже подумал:

– Ожидаю его с минуты на минуту. Было бы неплохо и вам приехать. Трёхстороннее общение будет ему полезно.

Поехала.

С доктором столкнулись в дверях поликлиники. Крикнул:

– Вы встретили его?!

– Нет. А зачем вы его отпустили?!

– У нас не психиатрия. Никого по принуждению не держим.

– Тогда ясно...

– Что вам ясно?!

Он весь такой нервный. Лысина блестит от пота. Не знаю, как такие людей лечат. Самому бы к врачу сходить не помешало.

Потом чуть успокоился:

– Давайте, выйдем на воздух. У вас есть сигареты? – затянулся жадно, – Попробуйте найти его. Я не должен говорить, но такие, как он... он может просто исчезнуть. Раствориться!

– Да что у него такое?!

– Склероз. Прогрессирующий...

– Ск... я думала, этим старики страдают. Это точно?

Швырнул окурком об асфальт, погладил лысину:

– Точно. Попробуйте найти, если он вам дорог. А у меня пациенты. Извините.

И я сейчас задумалась: "А дорог?" Листнула дневник назад. Прочла: "Побывочный пункт".

Страшные слова. Нет. Глупые. Какая же ты дура была, Дарья Викторовна...

И что же? Конечно, я его нашла. На той же остановке, где

мы познакомились. Он выходил из магазина с новой тетрадкой. Не узнал.

Похоже, что это я оказалась для него побывочным пунктом. Скольких, таких как я, он забыл? Даже немножко обидно. Сидим сейчас рядом: плечо к плечу. Два человека из разных миров. Каждый пишет о своём и об одном.

Бросила взгляд в его тетрадь: день недели перепутал. Дурачок.

Наверное, я дура. Только он – это то, что мне нужно.

У нас теперь один маршрут. Один билет в один конец.

Автобус останавливается. Конечная.

– Здравствуйте, дайте прикурить, пожалуйста...

Воскресенье

Мы.

Где обитают демоны

Фрезеровщик Николай стоял за станком, когда появился демон и шепнул на ухо:

– Давай, сунь руку под фрезу. В больничке отдохнёшь!

Николаю было 40. Возраст зрелости. Но эта мысль закрутилась в его мозгу и едва не намотала рукав на безжалостное веретено. Всё же Николай совладал с собой и вовремя выключил станок. Затем, утерев градины пота со лба, двинулся в сторону раздевалки.

– Дядя Коля, ты курить? – окликнул его Лёха, молодой слесарь 4-го разряда. Но Николай только отмахнулся и молча пошёл дальше.

В шкафчике фрезеровщика лежала укутанная в старую рубашку бутылка Столичной 0,5. Початая наполовину. Особо не раздумывая, он в несколько глотков осушил ёмкость. Огляделся. В раздевалке висела тишина. Только старый токарь Семёныч мирно похрапывал в углу.

Николай глубоко вздохнул, повеселел и отправился работать. Идя к станку, он почувствовал тягостную алкогольную усталость и всерьёз решил покурить:

– Лёха! Курить идём?! – крикнул он через полцеха. Слесарь коротко кивнул и, обтирая руки ветошью, поспешил за старшим товарищем.

Вдвоём они сели на скамейку и выпустили дымные облачка.

– Как дома дела, Дядь Коль?

– Более-менее...

– Проблем поболее, а денегат поменее? – сипло хихикнул Лёха.

– Иди на хер... – беззлобно бросил Николай.

– Дитя как?

– Нормально. А ты что сегодня такой участливый, боярышника перепил?

– Не-е-е... я завязал... – серьёзно сказал Лёха и покатал сигарету в пальцах, – насчёт шабашки хотел спросить.

Тут Николай напрягся. Даже в трезвом виде он боялся говорить про такие дела. Шабашку ему подкидывал зам. начальника цеха под строжайшим секретом. Откуда узнал этот хроник было не понятно. А передаст начальнику: уволят.

Николай глянул в сторону станков: ничего подозрительного. Затем злобно зыркнул на хилого Лёху. Тот сидел расслабленный, пускал дымные кольца.

– Ты что... – начал сердито Николай и вдруг запнулся. В дыму он заметил шевеление третьей фигуры. Маслянистой пятернёй разогнал марево и сощурился. На лавке сидел светловолосый незнакомец с мальчишечьим лицом и стариковскими глазами. Облачённый в белую рясу и... босой.

– Ангел! – вырвалось у Николая.

– Да нет, Дядь Коль... – усмехнулся Лёха, – у ангелов де-

тей не бывает. А мне двое ртов прокормить надо. Может, подкинешь халтурки?

Николай молча смотрел ангелу в глаза. Тот улыбнулся и кивнул.

– Говоришь, помочь дитяткам надо? – отрешённо переспросил Николай.

Слесарь что-то ответил, но Николай не слышал. Он созерцал ангела. Тот снова кивнул и пропел тонким голосом: «Помоги-и-и!»

Говорить о шабашке, а тем более делиться ею было опасно, но явление ангела заставило Николая задуматься:

– Что ж, есть у меня одна работёнка. Деньжата пополам поделим. Я-то головой рискую, пойми. А тебе на пару часов задержаться...

На том и порешили. В конце рабочего дня, когда все стремительно разбежались, протрезвевший Николай остался верен своему слову и задержался на 15 минут. Раскрыл слесарю 4-го разряда тайны заместительской шабашки. Показал тайник, где лежали левые заготовки и объяснил, что с ними нужно делать.

Молодой слесарь жарко обнял своего благодетеля и обещал тоже помочь при случае.

– Живи по совести, – хмыкнул Николай, – а сможешь чем помочь – не откажусь. Бывай!

Покинув территорию завода, суровый фрезеровщик расплакался. Он шёл по холодным ноябрьским улицам, изредка

утирая слёзы. Буднично перекрестился, проходя мимо церкви. Ему нравилось помогать людям просто так, но жизнь заставляла быть другим. Возможность раскрыть сердце перед другим человеком заставила Николая расчувствоваться. А может, просто алкоголь подточил его психику.

Кто знает... Но когда слёзы закончились, вновь появился он. Демон настиг фрезеровщика на пешеходном переходе:

– Теперь тебе крышка! Уволят! Не прокормишь семью. Лучше сдохнуть сейчас под колёсами грузовика! Ну же!

Внезапно озябший Николай остановился на разделительной полосе. Светофор сменился, и машины полетели, брызгая осенней жижей. Сквозь мельтешение дороги фрезеровщик разглядел согревающую надпись: «ВИНО. ТАБАК». Тогда он героически ринулся вперёд, не дождавшись зелёного.

– О, привет, Дядь Коль! – продавщица Тамара прекрасно знала этого клиента. Впрочем, сегодня он был несколько тревожнее обычного и выпил шкалик прямо у кассы. Демон кричал ему в ухо: «Сдохни! Сдохни! Сдохни!»

Несколько оглушительных глотков водки притупили звуки.

Николай обмяк и смешливо оглядел магазин. Захотелось курить. В поисках мятой пачки он стал хлопать себя всего, будто с ног до головы был покрыт карманами. Затем выбросился в шумящую улицу и, прикуривая сигарету, снова загляделся на смертельное копошение шоссе. Оно манило.

– А как же сы-ы-ын?! – пропел знакомый фальцет над

ухом. Ангел стоял на холодном ветру, часто одёргивая рясу. Его босые пальцы грели мокрый асфальт.

– И то правда, – подтвердил Николай, – кто ещё этого обормота за уши потреплет?! – и поковылял домой, оставляя дымный шлейф.

* * *

– Что-то ты рано, батя... Уволили? – крикнул сын отцу, сидя за компьютером.

Николай сердито звякнул бутылками, разуваясь в прихожей. Ангел, следовавший за ним по пятам, одёрнул рясу и пропел: "Мальчишку проучи-и-ить бы-ы-ы!"

– Я тебе дам, гадёныш! Небось, опять уроки не деланные? А?! – Николай ворвался в сыновью комнату. Пышущий перегаром, пылающий праведным гневом.

– Да отстань, батя! Не задали ничего. И вообще... я уже взрослый! Сам решу! – огрызнулся Слава. Ему было 12 лет.

– Ты как с отцом смеешь?! – фрезеровщик едва не задохнулся в припадке гнева. Он схватил клавиатуру, но шнур не дал её унести. Николай рванул дважды – не вышло. Тогда он размахнулся, сколько мог и саданул клавиатурой о стол. Посыпались кнопки.

– Батя, у тебя белка что ли?!

Грубая пятерня треснула сыну по скуле:

– Пошёл вон, сопляк! Уроки делай!

Ошеломлённый Слава прикрыл лицо ладонью и выскочил из комнаты, чтобы не разреветься при отце.

Николай сел за компьютер посмотреть смешные видео. Пьяно похихикал и уснул.

Через час пришла мать. Услышала голос сына на кухне. Заглянула:

– Привет, сынок. Ты по телефону?

Слава вздрогнул и закрыл ладонью разбитую скулу. Он был один, без мобильного.

– Ясно... – прошипела мать и взяла скалку.

В комнате сына громче обычного болтал компьютер. Николай храпел, закинув голову назад.

– Коля-я-я! – завопила жена, хватанув скалкой о косяк двери.

Николай неспроста выбрал эту женщину когда-то. Она умела крикнуть так, чтобы образумить даже вусмерть пьяного человека. Фрезеровщик упал вместе с креслом.

Дальнейшие события вечера показали, что слабый пол умеет быть сильнее сильного.

Проснулся Николай на диване с жутчайшей головной болью и подбитым глазом. Тело едва слушалось, да и мозги почти не соображали. Но сей муж отличался редкой выносливостью. Всегда он вставал и шёл дальше. Как и теперь. Не забыв прихватить купленную с вечера бутылку.

В раздевалке цеха Николай оказался вовремя. Бодро пересмеивался с народом. Спеленал новую бутылку в рубаху и

уложил на полочку.

Весело пошагал в цех.

– Николай! Зайди ко мне, будь добр, – начальник сказал это негромко и властно.

Фрезеровщик медленно поплёлся, предчувствуя беду. У начальника сидели Лёха и демон:

– Крышечка тебе, дружок!

– Коля, закрой дверь, – попросил начальник. Когда-то они были одноклассниками, – Что с лицом?

– На улице поскользнулся... – соврал фрезеровщик и потрогал глаз, подбитый скалкой.

– Ясно. Ты общался вчера с Алексеем после смены?

Фрезеровщик глянул на подлого слесаря. Тот сидел бледный, как с попойки. Крутил надфиль в руке, изучая пол.

– Было дело, – признал Николай.

– Что за дело, расскажешь?

– Сдай зама! – шепнул в ухо демон. Так и пришлось сделать.

Остаток дня Николай работал с тяжёлым сердцем, не смея притронуться к заначке в раздевалке. Корил себя за ребячество – доверился хроникеру... да ещё так позорно испугался начальника.

Зама уволили в один день. Под конец смены он встал посреди цеха и молчаливо наблюдал за фрезеровщиком-стукачом. "Молодой и предприимчивый, – решил про себя Николай, – не потеряется. А вот мне без шабашки туго придёт-

ся..."

Затем их жизни навсегда разошлись.

Собираясь, Николай вспомнил о демоне. Тот молчал весь день. Поискал взглядом и нашёл хвостатое существо на шкафчике злополучного слесаря. Встретил его жёлтые смешливые глаза. Демон молчал, но от греха подальше Николай решил принять снадобье, спрятанное в рубашку.

Мир вокруг быстро преобразился. Фрезеровщик шагал по нему, прикидывая от чего теперь придётся отказаться. Рядом по лужам шлёпал босой ангел и безмолвно улыбался.

«От водки нельзя – демоны зажрут, – думалось Николаю, – видать, крылатый меня с болезным путает, когда выпью. Эко мир странно устроен, оказывается. Придётся мне пить, чтобы хоть как-то семью прокормить...» В этих размышлениях фрезеровщик добрёл до церкви и буднично перекрестился, как делал это всякий раз.

– Куда полез, плешивый?! – забурчала вдруг слепая старуха, сидящая на ступеньках, – а ну пошёл отседова!

– Что же ты, бабушка, человека гонишь. Я, может, к Богу пришёл совета просить? – попытался пристыдить старуху Николай.

– Нечего здесь со своим хвостатым бесом ошиваться! – бабка невидяще мотнула головой в сторону ангела. Тот одёрнул рясу и продолжил улыбаться.

– Так ты тоже его видишь?! – обрадовался фрезеровщик, – но ведь это ангел! Какой же он хвостатый?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.